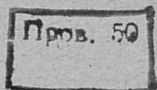

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ LXIV, № 8.

ОТЧЕТЪ О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ВТОРОГО ОТДѢЛЕНІЯ

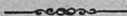
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

за 1895 годъ,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ПРЕДСѢДАТЕЛЬСТВУЮЩИМЪ ВЪ ОТДѢЛЕНИИ ОРДИНАРНЫМЪ АКАДЕМИКОМЪ

А. О. Бычковымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Вас. Остр., 9 линія, № 12.

1896.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1896 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ Н. Дубровинъ.

ОТЧЕТЪ

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ

ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ

за 1895 годъ,

составленный Предсѣдательствующимъ въ Отдѣленіи,

Ординарнымъ Академикомъ А. Θ. Бычковымъ.

Приступая къ обзорѣ дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности за истекающій годъ, я позволю себѣ обратиться ваше вниманіе прежде всего на труды, совершенные и начатые въ средѣ его по отечественному языку, а затѣмъ представить очеркъ того, что слѣлано каждымъ изъ членовъ Отдѣленія.

По выходѣ въ свѣтъ въ началѣ настоящаго года третьяго выпуска Словаря русскаго языка на букву Д, начатаго покойнымъ академикомъ Я. К. Гротомъ и оконченнаго подъ руководствомъ академика А. Θ. Быčkova, Отдѣленіе возложило продолженіе этого труда на адъюнкта А. А. Шахматова. При разсмотрѣніи имѣющагося въ распоряженіи Отдѣленія матеріала на слѣдующія буквы, оказалось, что онъ недостаточенъ для того, чтобы возможно было немедленно приступить къ печатанію дальнѣйшихъ выпусковъ въ томъ видѣ, въ какомъ явились въ свѣтъ первые три. Поэтому Отдѣленіе положило усилить соби-

раніе нужныхъ для словаря матеріаловъ и въ то же время въ виду того, что весьма трудно провести точную границу между книжнымъ языкомъ и живымъ народнымъ, отъ котораго первый долженъ обогащаться и получать живительные соки, рѣшило собирать одновременно матеріалы для областного словаря русскаго языка. Оно надѣется, впрочемъ, что несмотря на обширность и сложность предпринятыхъ подготовительныхъ работъ для Словаря русскаго языка, будетъ возможно въ непродолжительномъ времени приступить къ безостановочному печатанію новыхъ его выпусковъ.

Оконченъ печатаніемъ, подъ наблюденіемъ академика А. О. Бычкова, благодаря неутомимой дѣятельности О. И. Срезневской и ея брата Вс. И. Срезневскаго, четвертый выпускъ Матеріаловъ для словаря древне-русскаго языка по письменнымъ памятникамъ, собранныхъ покойнымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ. Этимъ выпускомъ, заключающимъ въ себѣ буквы Л, М и Н, начинается второй томъ Матеріаловъ.

Отдѣленіе приступило къ печатанію Областного словаря олонечкаго нарѣчія, составленнаго членомъ-сотрудникомъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества Г. И. Куликовскимъ, уроженцемъ Олонецкой губерніи. Печатаніе этого словаря производится подъ наблюденіемъ адъюнкта А. А. Шахматова, который къ труду г. Куликовскаго присоединяетъ и собранныя имъ самимъ слова олонечкаго нарѣчія во время своей поѣздки въ 1885 и 1886 годахъ для изученія живыхъ говоровъ въ Петрозаводскомъ, Повѣнецкомъ и Пудожскомъ уѣздахъ.

Оконченъ печатаніемъ первый выпускъ Литовско-русско-польскаго словаря братьевъ Юшкевичей подъ редакціей профессора Императорскаго Московскаго университета Ф. О. Fortunatova. Въ этотъ выпускъ вошли слова на буквы А — Dz. Сынъ Ивана Юшкевича, одного изъ составителей Словаря, магистрантъ Императорскаго Юрьевскаго университета по сравнительному языкознанію г. Витольдъ Юшкевичъ предложилъ Отдѣленію свои услуги для ускоренія выхода въ свѣтъ словаря.

Отдѣленіе приняло предложеніе г. Юшкевича, и онъ, съ пособіемъ отъ Отдѣленія, былъ командированъ въ Сувалкскую губернію для повѣрки собраннаго отцомъ и дядей матеріала относительно 1) точности постановки ударенія въ тѣхъ словахъ, гдѣ оно не обозначено или обозначено не точно; 2) различенія ударенія въ дифтонгахъ и 3) опредѣленія количества гласныхъ.

Въ виду важности изученія говоровъ русскаго языка, Отдѣленіе просило А. А. Шахматова составить программы для собиранія особенностей русскихъ говоровъ, указавъ при этомъ, что для каждой изъ главныхъ частей, на которыя распалась русская рѣчь, должны быть составлены особыя вопросныя статьи или особыя программы. А. А. Шахматовъ съ знаніемъ и искусствомъ выполнилъ это порученіе, и напечатанная имъ въ видѣ рукописи программа сѣверно-великорусскихъ говоровъ разослана въ настоящее время специалистамъ. По полученіи отъ нихъ пополненій и замѣчаній и внесенія ихъ въ текстъ программа сдѣлается общимъ достояніемъ и дастъ богатый матеріалъ для діалектологіи.

Академикъ М. И. Сухомлиновъ въ отчетномъ 1895 году выпустилъ въ свѣтъ третій томъ Сочиненій Ломоносова съ объяснительными примѣчаніями, которыя потребовали много труда и кропотливыхъ разысканій. Изданный томъ заключаетъ въ себѣ двѣ редакціи Риторики и Разсужденіе Ломоносова о русскомъ стихосложеніи, которое не только имѣло важное значеніе для своего времени, но и послужило руководящимъ началомъ для послѣдующихъ трудовъ по этому предмету. По справедливому замѣчанію академика М. И. Сухомлинова появленіе въ печати Риторики Ломоносова было своего рода событіемъ въ тогдашней литературѣ. Главная заслуга автора заключается въ изобиліи примѣровъ и въ ихъ просвѣтительномъ значеніи для современнаго ему общества. Съ рѣдкимъ умѣньемъ Ломоносовъ приводитъ мѣста изъ сочиненій писателей различныхъ эпохъ и народовъ, отъ Цицерона до Эразма Роттердамскаго и отъ Виргилія до Камозенса. Книга Ломоносова знакомила читателей съ

разнообразнымъ направленіемъ человѣческой мысли, отъ ученія стоиковъ и отцовъ церкви до философской системы Лейбница и Вольфа.

Подъ редакціею того же академика изданы въ отчетномъ году два тома, седьмой и восьмой, Матеріаловъ для исторіи Императорской Академіи Наукъ. Въ этихъ томахъ находится множество данныхъ, относящихся къ исторіи просвѣщенія въ Россіи въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Весьма любопытны свѣдѣнія о научныхъ трудахъ и предпріятіяхъ Академіи; объ ученыхъ путешествіяхъ; о дѣятельности Академіи на пользу Россіи; о лекціяхъ, читанныхъ впервые на русскомъ языкѣ; о лицахъ, получившихъ свое образованіе въ стѣнахъ Академіи, которая была въ то время «академіею наукъ и художествъ». Чтобъ хотя сколько-нибудь познакомить съ содержаніемъ Матеріаловъ, можно указать на предложеніе извѣстнаго Миллера о томъ, какъ должны быть составляемы исторія и географія Россіи. Сочиненія иностранныхъ писателей, касающіяся Русской исторіи, — говоритъ Миллеръ — не имѣютъ большой цѣны уже потому, что авторы, какъ «иностранныя», которые въ Россіи не на долго пребываніе имѣли и русскаго языка довольно не знали, также иногда, слѣдуя своимъ пристрастіямъ, сущей правды не высмотрели, или иные, и не бывши въ Россіи, къ описанію оной устремились и неосновательнымъ разглашеніемъ повѣрили. Паче всего сожалѣнія достойно, что они разумный свѣтъ толикими неправдами ослѣпили... Что касается до ландкартъ, то и въ чужестранныхъ государствахъ, гдѣ науки уже чрезъ нѣсколько сотъ лѣтъ процвѣтають, едва могутъ похвалиться такимъ раченіемъ, какъ русскіе геодезисты въ прошедшія тридцать лѣтъ на то положили». Благодаря трудамъ и путешествіямъ нашихъ академиковъ, Сибирь, «сія отдаленная земля, въ разсужденіи всѣхъ ея обстоятельствъ учинилась извѣстнѣе, нежели самая середина Нѣмецкой земли тамошнимъ жителямъ быть можетъ».

Изданные Матеріалы представляютъ много чертъ и для характеристики нашей общественной жизни того времени. Борьба

двухъ началъ: бюрократіи и науки особенно ярко обрисовывается въ надѣлавшемъ много шума процессѣ Шумахера съ представителями науки. Желаніе академиковъ получить уставъ, ограждающій ихъ отъ призола администраціи, было тѣмъ естественнѣе, что порядки, введенные лицомъ, въ рукахъ котораго находилось управленіе Академіею, сдѣлались наконецъ невыносимыми. Академическому собранію не объявляли по цѣлымъ годамъ указовъ, получаемыхъ изъ Сената. Съ другой стороны и Сенатъ такъ мало удѣлялъ времени академическимъ дѣламъ, что несмотря на то, что они должны были докладываться каждый четвергъ, случалось, что слушаніе ихъ откладывалось въ теченіе шести четверговъ, а на седьмой объявляли, что нельзя доложить потому, что слушаются такія важныя и притомъ секретныя дѣла, что даже секретарей удалили изъ залы засѣданій. Вообще эти два тома даютъ много любопытныхъ данныхъ для историка XVIII столѣтія.

Академикъ И. В. Ягичъ издалъ въ настоящемъ году первый томъ Изслѣдованій по русскому языку, въ составъ котораго вошелъ собранный имъ обширный матеріалъ, относящійся къ исторіи теоретическаго изученія церковно-славянскаго, отчасти и русскаго языка въ теченіе прошедшихъ столѣтій. Этотъ матеріалъ, озаглавленный: «Разсужденія южно-славянской и русской старины о церковно-славянскомъ языкѣ», извлеченъ болѣе чѣмъ изъ 60 рукописей. Большая часть статей, вошедшихъ въ этотъ сборникъ, найдена И. В. Ягичемъ не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ спискахъ, и поэтому, положивъ въ основаніе одинъ изъ текстовъ, онъ привелъ изъ прочихъ всѣ разночтенія, заслуживающія вниманія. Кромѣ того отдѣльныя статьи академикъ Ягичъ снабдилъ историко-литературными объясненіями въ видѣ введеній и послѣсловій къ нимъ, иногда довольно обширныхъ и требавшихъ продолжительныхъ и многостороннихъ разысканій, какъ напримѣръ поясненія къ статьѣ, носящей заглавіе: «Книга Константина философа и грамматика о писменехъ». Для нѣкоторыхъ статей академику Ягичу удалось отыскать греческіе

источники, что стоило ему больших трудовъ. Вообще этотъ сборникъ матеріаловъ представляетъ для исторіи церковно-славянскаго языка неоспоримую важность, и теперь, благодаря нашему высокоуважаемому товарищу, является возможность ознакомиться съ воззрѣніями стараго времени на языкъ и уразумѣть различныя тонкости, довольно искусственныя по своему характеру, но строго соблюдавшіяся въ рукописяхъ церковнаго письма въ XV и слѣдующихъ столѣтіяхъ.

Богатый матеріалъ, накопившійся въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій объ употребленіи разныхъ тайныхъ языковъ у славянъ, подалъ академику Ягичу мысль взяться за критическое обзорѣніе этихъ матеріаловъ и подвергнуть ихъ затѣмъ анализу. Плодомъ этого явилось сочиненіе: *Die Geheimsprachen bei den Slaven*. Такъ какъ въ тайныхъ языкахъ участвуютъ двѣ различныя стихіи: одна домашняя, славянская, представляемая нарочно искаженными или передѣланными общеизвѣстными словами, или новообразованными словами, другая же иностранная, чужезычная состоящая изъ словъ заимствованныхъ, то академикъ И. В. Ягичъ въ первой вышедшей нынѣ части этого труда остановился преимущественно на разработкѣ первой стихіи, въ которой пришлось разсмотрѣть, между прочимъ, русскій тайный языкъ офеней, старцевъ, шаповаловъ и шерстобитовъ.

Тотъ же академикъ напечаталъ въ Загребѣ сочиненіе: *Ruska književnost u osamnaestom stoljeću*. Этотъ трудъ представляетъ собою переработку публичныхъ лекцій, которыя академикъ Ягичъ читалъ въ Вѣнскомъ университетѣ и которыя, по усиленной просьбѣ хорватовъ, онъ помѣстилъ въ переводѣ на сербскій языкъ въ изданіи литературнаго Общества «Матица Хорватская», распространяющаго свои изданія въ количествѣ 12000 экземпляровъ. Эта книга, отличающаяся легкимъ и изящнымъ изложеніемъ, познакомитъ южныхъ славянъ съ произведеніями нашихъ главныхъ литературныхъ дѣятелей XVIII вѣка. Кромѣ вышеупомянутыхъ трудовъ, г. Ягичъ помѣстилъ въ изданіи Вѣнской Академіи Наукъ «Anzeiger der philosophisch-histori-

schen Classe» нѣсколько статей, посвященныхъ библиографическимъ разысканіямъ о бревіаріи, напечатанномъ глаголицею въ 1493 году въ Венеціи Андреемъ Торесанскимъ, и издавалъ XVIII томъ Archiv'a für slavische Philologie, въ которомъ напечаталъ много статей, преимущественно отзывы о вновь вышедшихъ книгахъ.

Академикъ Л. Н. Майковъ продолжалъ свои приготовительныя работы по критическому изданію сочиненій А. С. Пушкина, порученному ему Отдѣленіемъ.

Основную задачу этого труда составляетъ установленіе правильнаго текста произведеній великаго писателя. Пушкинъ еще при жизни своей жаловался, что стихотворенія его подвергаются типографскимъ искаженіямъ, когда печатаются въ альманахахъ и журналахъ. Первое, вышедшее по его смерти, собраніе его сочиненій (1838—1841 гг., въ 11 томахъ) было издано очень небрежно и увеличило число этихъ искаженій; послѣдующіе издатели принимали мѣры къ ихъ исправленію, но достигли своей цѣли не вполне. Для того, чтобы возстановить правильный текстъ Пушкина, необходимо провѣрить его по изданіямъ, вышедшимъ еще при жизни автора, отчасти подъ его собственнымъ надзоромъ, а также по сохранившимся рукописямъ поэта. Эту работу и принялъ на себя академикъ Майковъ. Для сочиненій Пушкина, вышедшихъ въ свѣтъ при его жизни, будетъ воспроизведенъ тотъ текстъ, который самимъ авторомъ былъ признанъ за окончательный; дополненія къ этому тексту допускаются только въ тѣхъ случаяхъ, когда написанное Пушкинымъ подвергалось измѣненіямъ и сокращеніямъ со стороны цензуры. Для изданія произведеній Пушкина, напечатанныхъ послѣ его кончины, употреблены будутъ его собственныя рукописи и лишь въ случаѣ отсутствія ихъ — копіи. Изученіе первоначальныхъ изданій произведеній Пушкина а равно его черновыхъ рукописей, значительнѣйшая часть которыхъ хранится въ Московскомъ Публичномъ Музеѣ, дало академику Майкову возможность собрать большое количество вариантовъ къ окончательному тексту, и эти ва-

ріанты, иногда весьма существеннаго значенія, являются драгоценнымъ свидѣтельствомъ того, какъ много труда полагалъ Пушкинъ на отдѣлку своихъ произведеній. Такимъ образомъ раскрываются отчасти и самые приемы Пушкинскаго творчества.

Изучая рукописи Пушкина въ нашихъ главнѣйшихъ общественныхъ книгохранилищахъ, г. Майковъ вмѣстѣ съ тѣмъ поставилъ себѣ долгомъ разыскивать ихъ и въ другихъ общественныхъ и частныхъ собраніяхъ. Въ отчетахъ Отдѣленія за предшествовавшіе годы уже были съ признательностью поименованы тѣ лица, которыя по первому призыву Отдѣленія изъявили готовность содѣйствовать его предпріятію сообщеніемъ хранящихся у нихъ рукописей Пушкина, его писемъ и вообще матеріаловъ для его біографіи. Много подобныхъ документовъ проникло уже въ печать, но провѣрка ихъ по сообщеннымъ рукописнымъ подлинникамъ дала академику Майкову возможность собрать не мало дополненій и поправокъ къ тому, что было уже издано, и притомъ считалось изданнымъ вполне точно. Но, кромѣ того, въ теченіе настоящаго года Л. Н. Майкову удалось собрать и значительное количество новыхъ матеріаловъ въ томъ же родѣ.

Во главѣ лицъ, сообщившихъ въ 1895 году Майкову матеріалы для приготовляемаго имъ изданія Пушкина, слѣдуетъ поставить Августѣйшаго Президента Академіи Наукъ и двухъ почетныхъ ея членовъ: барона О. А. Бюлера и графа С. Д. Шереметева. Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Константиновичъ сообщил альбомъ Ю. Н. Бартенева, въ который рукою Пушкина вписано его стихотвореніе «Мадонна» съ нѣсколькими вариантами противъ печатнаго текста. Управляющій Московскимъ главнымъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ баронъ Бюлеръ доставилъ на разсмотрѣніе академика Майкова хранящіяся въ этомъ архивѣ дѣла по службѣ Пушкина въ Иностранной Коллегіи и внесенныя самимъ барономъ въ бібліотеку того же архива подлинныя письма Пушкина, копію съ Записокъ о немъ И. И. Пущина и

еще нѣсколько другихъ документовъ. Графъ Шереметевъ, обладатель Остафьевскаго архива князей Вяземскихъ, открылъ г. Майкову доступъ въ это драгоцѣнное хранилище матеріаловъ по исторіи русскаго общества и русской литературы прошлаго и текущаго столѣтій, гдѣ между прочимъ находятся письма Пушкина къ князю П. А. и княгинѣ В. О. Вяземскимъ, а также къ П. В. Нащокину, нѣсколько стихотвореній Пушкина въ его автографахъ и достовѣрныхъ копіяхъ и, наконецъ, множество свѣдѣній о немъ въ перепискѣ другихъ лицъ, особенно А. И. Тургенева. А. И. Киселева, чрезъ обязательное посредство А. В. Верещагина и А. Н. Гонецкаго, любезно доставила г. Майкову возможность воспользоваться бумагами С. Д. и Н. С. Киселевыхъ, на основаніи которыхъ онъ могъ сообщить въ печати новыя свѣдѣнія о знакомствѣ Пушкина съ семействомъ Ушаковыхъ. В. Е. Якушкинъ препроводилъ изъ своей коллекціи нѣсколько стихотвореній Пушкина въ автографахъ и подлинникъ Записокъ о немъ И. И. Пущина. М. Г. и Н. М. Раевскіе также сообщили нѣсколько автографовъ Пушкина изъ бумагъ его друга Н. Н. Раевского. П. А. Ефремовъ доставилъ академику Майкову различныя библиографическія указанія и дозволилъ разсмотрѣть хранящіеся у него подлинники писемъ Пушкина къ Гнѣдичу. Адъюнктъ Академіи А. А. Шахматовъ передалъ г. Майкову подлинники писемъ Пушкина къ А. А. Бестужеву и К. О. Рылѣву и разныя другія бумаги литературнаго содержанія изъ первой половины двадцатыхъ годовъ. Разнаго рода матеріалы, относящіеся до Пушкина, были доставлены вновь еще отъ слѣдующихъ лицъ: С. С. Бехтѣева (чрезъ посредство В. П. Шнейдеръ), И. И. Куриса, А. И. Станкевича, Ю. А. и С. А. Тепляковыхъ, К. О. Феттерлейна и князя Н. В. Шаховскаго. Наконецъ продолжали свои сообщенія: Г. А. Анненкова, П. И. Бартеневъ и П. Я. Дашковъ. Всѣмъ этимъ лицамъ, столь сочувственно отнесшимся къ предпріятію Отдѣленія, оно почитаетъ долгомъ выразить свою глубокую признательность. Вмѣстѣ

съ тѣмъ Отдѣленіе позволяетъ себѣ выразить надежду, что и другія лица, обладающія матеріалами для біографіи Пушкина, и въ особенности его рукописями, не откажутся сообщить ихъ на просмотръ редактору предпринятаго изданія.

Академикъ А. Н. Веселовскій напечаталъ въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія отрывокъ изъ приготовляемой имъ Исторической поэтики, именно интересную статью подъ заглавіемъ: «Изъ исторіи эпитета», которую онъ справедливо считаетъ сокращенною исторіею поэтического стиля. Въ томъ же журналѣ А. Н. Веселовскій помѣстилъ замѣтку: «Молитва св. Сисинія и Верзилово коло». Привлеченный въ этой замѣткѣ къ изслѣдованію новый матеріалъ, эоіопскіе тексты молитвы, привелъ академикъ къ новымъ соображеніямъ о молитвѣ св. Сисинія. Въ индексѣ отреченныхъ книгъ болгарскаго попа Іеремію обвиняють въ сочиненіи нѣкоторыхъ басенъ: «то Іереміа попь бльгар'скы из'льгалъ, бывъ *въ навѣхъ на верзиловъ колу*». Это послѣднее загадочное выраженіе было различно объясняемо. Эоіопскіе тексты дали академику Веселовскому матеріалъ къ новому его объясненію.

Академикъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ написалъ для біографическаго словаря, издаваемаго Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, статью о Карамзинѣ, которая вышла отдѣльнымъ оттискомъ. Въ ней довольно полно, насколько было возможно въ статьѣ, назначенной для словаря, изложена литературная и историческая дѣятельность Н. М. Карамзина и сдѣлана ей справедливая оцѣнка. Въ Русскомъ Обзорѣніи и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія К. Н. Бестужевъ-Рюминъ помѣстилъ нѣсколько разборовъ новыхъ книгъ и некрологовъ нашихъ ученыхъ

Адъюнктъ А. А. Шахматовъ въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ нынѣшняго года совершилъ поѣздку въ Калужскую губернію съ цѣлію изученія мѣстныхъ народныхъ говоровъ. Въ составленной имъ любопытной запискѣ онъ изложилъ результаты своихъ наблюденій, которыя, между прочимъ, привели его къ выводу, что

врядъ ли гдѣ найдется этнографическая граница между бѣлоруссами и южными великоруссами. Бѣлоруссы и южные великоруссы — говоритъ А.А. Шахматовъ — это одно общее племя; характерныя особенности обѣихъ разновидностей этого племени сложились въ тѣхъ политическихъ центрахъ, вокругъ которыхъ группировались когда-то Великая Россія и Бѣлая Русь съ Литвой, и изъ этихъ центровъ онѣ распространялись на сосѣднія мѣстности, создавая въ языкѣ, нравахъ и обычаяхъ населенія, тяготѣвшаго къ тому или другому центру, все болѣе и болѣе рѣзкія отличія.

Сверхъ упомянутыхъ трудовъ членовъ Отдѣленія, они принимали участіе въ засѣданіяхъ комиссій по присужденію разныхъ премій. Кромѣ отзывовъ о сочиненіяхъ, которыя были представлены на соисканіе Пушкинскихъ премій, были напечатаны въ 1895 году слѣдующія рецензіи академикомъ: А. Θ. Бычкова о сочиненіи Р. М. Зотова: «О черниговскихъ князьяхъ по Любецкому синодику и о Черниговскомъ княжествѣ въ татарское время» и о сочиненіи В. С. Иконникова: «Опытъ русской исторіографіи»; М. И. Сухомлинова о сочиненіи Н. Барсукова: «Жизнь и труды М. П. Погодина»; И. В. Ягича о сочиненіи А. Карнѣева: «Матеріалы и замѣтки по литературной исторіи Физіолога» и о сочиненіи П. А. Кулаковского: «Иллиризмъ. Изслѣдованіе по исторіи хорватской литературы періода возрожденія»; А. Н. Веселовскаго о сочиненіи В. Е. Чешихина: «Жуковский какъ переводчикъ Шиллера» и К. Н. Бестужева-Рюмина о сочиненіи Н. А. Бѣлозерской: «Василій Трофимовичъ Нарѣжный. Историко-біографическое изслѣдованіе» и о трудѣ Θ. И. Леонтовича: «Очерки исторіи литовско-русскаго права. Образованіе территоріи Литовскаго государства».

Исполняя одну изъ лежащихъ на Отдѣленіи задачъ: изучать родственные намъ славянскіе народы и ихъ литературу, оно въ текущемъ году оказало матеріальное содѣйствіе профессору Варшавскаго университета Филевичу, предпринимающему путешествіе въ Прагу, Вѣну, Буда-Пештъ, Колошъ (Клаузенбургъ), Сибинъ (Германштадтъ) и Черновцы для пополненія матеріалами и окончательной обработки его обширнаго труда, посвященнаго изученію Карпатской Руси. Представленный Отдѣленію отчетъ о результатахъ поѣздки содержитъ въ себѣ нѣсколько любопытныхъ данныхъ.

Отдѣленіе назначило денежное пособіе чешскому этнографу Л. Кубѣ, чтобы онъ имѣлъ возможность совершить заключительную поѣздку въ Сербію для собиранія народныхъ напѣвовъ и пѣсень.

Въ 1895 году окончены печатаніемъ на средства Отдѣленія: послѣдній, четвертый томъ собранія сочиненій покойнаго члена-корреспондента А. А. Котляревскаго и трудъ почетнаго члена Академіи Д. А. Ровинскаго: «Подробный словарь русскихъ гравировъ XVI—XIX вѣковъ», которому предпосланъ историческій обзоръ гравированія. Этотъ обзоръ даетъ любопытныя свѣдѣнія о гравюрахъ, приложенныхъ къ старопечатнымъ церковнославянскимъ книгамъ.

Продолжается печатаніе сочиненій: П. А. Ровинскаго — «Черногорія, въ ея прошломъ и настоящемъ»; П. В. Шейна «Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія Сѣверо-западнаго края»; оба подъ наблюденіемъ академика А. О. Бычкова; О. А. Брауна: «Разысканія въ области Гото-Славянскихъ отношеній» подъ наблюденіемъ академика А. Н. Веселовскаго; второй томъ Онежскихъ былинъ, собранныхъ А. О. Гилфердингомъ, подъ наблюденіемъ академика К. Н. Бестужева-Рюмина, и Матеріалы для біографіи князя Антиоха Кантемира, доставленные Отдѣленію профессоромъ В. Н. Александренкомъ, подъ наблюденіемъ академика Л. Н. Майкова.

Отдѣленіе съ особеннымъ удовольствіемъ сообщаетъ, что оно,

по предложенію академика И. В. Ягича, приступило къ воспроизведенію фотографіею хранящейся въ Люблянскомъ музеѣ извѣстной Супрасльской рукописи XI вѣка, содержащей въ себѣ мартовскую миною четію. Наблюденіе за фотографированіемъ любезно принялъ на себя молодой московскій ученый С. Н. Северьяновъ. Отдѣленіе поставило условіемъ, чтобы негативы были предоставлены въ его пользу, и такимъ образомъ оно получить возможность снабжать оттисками съ этого замѣчательнаго памятника церковно-славянской письменности какъ ученія учрежденія, такъ и специалистовъ.

Въ истекающемъ году Отдѣленіе понесло горестныя утраты: смерть похитила двухъ его достойныхъ членовъ-корреспондентовъ, Н. Н. Булича и П. И. Савваитова.

Н. Н. Буличъ скончался въ ночь съ 24-го на 25-е мая въ своемъ имѣніи, въ с. Юрткуляхъ Спасскаго уѣзда Казанской губерніи. Онъ родился 5 февраля 1824 г. въ городѣ Курганѣ Тобольской губерніи, гдѣ служилъ его отецъ, потомокъ южно-русскихъ дворянъ, выходцевъ изъ Сербіи. Свое первоначальное образованіе онъ получилъ во 2-й Казанской гимназіи, а довершилъ его въ Казанскомъ университетѣ по 1-му отдѣленію философскаго факультета (нынѣ историко-филологическій), откуда вышелъ въ 1845 году со степенью кандидата. Счастливыя способности, обширныя свѣдѣнія и даръ живого изложенія открыли Буличу дорогу къ занятію каѳедры въ родномъ университетѣ. Въ 1849 году, по защитѣ диссертациі, онъ получилъ степень магистра философіи и въ началѣ слѣдующаго года былъ избранъ въ адъюнкты по этой каѳедрѣ, которая сдѣлалась свободною послѣ архимандрита Гавріила, извѣстнаго автора Исторіи философіи. Впрочемъ эту каѳедру онъ занималъ недолго, и въ 1850 году, по случаю повелѣнія читать философію профессорамъ богословія, остался за штатомъ. Въ концѣ 1850 г. мы видимъ Н. Н. Булича снова адъюнктомъ, но уже по каѳедрѣ русской словесности. Въ 1854 году Буличъ защитилъ въ Санктпетербургскомъ университетѣ на степень доктора славяно-русской

филологіи диссертацию подъ заглавіемъ: «Сумароковъ и современная ему критика», вызвавшую въ тогдашнихъ повременныхъ изданіяхъ нѣсколько дѣльныхъ рецензій. По избранному для диссертациіи предмету, такъ какъ о Сумароковѣ знали въ то время очень мало и считали его очень посредственнымъ писателемъ, подражавшимъ французскимъ ложноклассикамъ; по постановкѣ впервые нѣкоторыхъ литературныхъ вопросовъ, до которыхъ до того времени не касались; наконецъ, по высказаннымъ мнѣніямъ, которыя шли въ разрѣзъ мнѣніямъ, тогда господствовавшимъ,—сочиненіе молодого ученаго обратило на себя общее вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ выводы, поставленные авторомъ въ число положеній его труда, отличались новизною. Буличъ доказывалъ, что Сумароковъ является представителемъ легкой сатиры нравовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ вводителемъ у насъ повременныхъ изданій съ сатирическимъ характеромъ, которыя получили такое большое развитіе въ третьей четверти прошлаго вѣка; онъ утверждалъ, что Сумароковъ представлялъ самое живое литературное лицо эпохи, былъ первымъ нашимъ критикомъ и долженъ стоять на первомъ планѣ въ исторіи русской литературы прошлаго столѣтія и что журналы съ сатирическимъ содержаніемъ въ третьей четверти прошлаго вѣка были продолжателями дѣла Сумарокова и должны быть внесены въ исторію русской литературы. Въ подкрѣпленіе послѣдней мысли онъ сообщилъ довольно подробныя свѣдѣнія о сатирическихъ журналахъ и ихъ содержаніи, которыя не утратили значенія до сихъ поръ. Вообще каждому, кто пожелалъ бы познакомиться съ умственною и общественною жизнію Россіи во второй половинѣ XVIII столѣтія, сочиненіе Булича и теперь представить много любопытныхъ данныхъ.

По полученіи докторской степени, Буличъ занялъ каѳедру исторіи русскаго языка и словесности, которую оставилъ въ 1885 году, когда вышелъ въ отставку. Кромѣ своего предмета онъ читалъ студентамъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ исторію философіи и исторію всеобщей литературы. Его курсы всегда

отличались тщательною обработкою; онъ вводилъ въ нихъ все новое и замѣчательное, появившееся въ печати по его предмету. По отзывамъ его слушателей лекціи Булича были и богаты по содержанію, и увлекательны по изложенію; тѣмъ же отличались и его публичныя чтенія въ Казани о Державинѣ, о Ломоносовѣ и по исторіи западно-европейскаго искусства.

Хотя всѣ труды Н. Н. Булича за время, когда онъ занималъ кафедру, и были вызваны внѣшними обстоятельствами, но тѣмъ не менѣе каждый изъ нихъ всегда сообщалъ какія-либо новыя данныя о писателѣ, устанавливалъ на его произведенія новую точку зрѣнія, а въ совокупности они свидѣтельствовали объ его отзывчивости къ событіямъ, совершавшимся въ литературномъ мірѣ. Позволяю себѣ здѣсь перечислить эти труды въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія: «Значеніе Пушкина въ исторіи русской литературы» (1855); «Къ столѣтней памяти Ломоносова» (1865); «Литература и общество въ Россіи въ послѣднее время» (1865); «Біографическій очеркъ Н. М. Карамзина и развитіе его литературной дѣятельности» (1866); «О мифическомъ преданіи какъ главномъ содержаніи народной поэзіи» (1870); О. М. Достоевскій и его сочиненія (1881); Рѣчь, произнесенная на панихидѣ въ память И. С. Тургенева (1883); В. А. Жуковскій (1883); Въ память пятидесятилѣтія смерти Пушкина (1887).

Тѣми же достоинствами, какъ и перечисленные труды, отличаются и его разборы сочиненій, представлявшихъ на соисканіе разныхъ премій, которые онъ писалъ по порученію Академіи Наукъ, избравшей его въ 1883 году членомъ-корреспондентомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Его отзывы о сочиненіи А. И. Артемьева: «Казанскія гимназіи въ XVIII вѣкѣ»; о трудѣ Е. Ф. Шмурло: «Митрополитъ Евгеній какъ ученый. Ранніе годы жизни (1767 — 1804)»; о Сочиненіяхъ К. Н. Батюшкова, изданныхъ подъ редакціею Л. Н. Майкова, заслуживаютъ особеннаго вниманія по своей содержательности.

Капитальнымъ трудомъ Н. Н. Булича, которому онъ посвящалъ послѣдніе годы своей жизни, слѣдуетъ назвать: «Изъ

первыхъ лѣтъ Казанскаго университета (1805 — 1819)». Этотъ трудъ, основанный главнымъ образомъ на тщательномъ изученіи архивнаго матеріала, къ сожалѣнію, не доведенъ до конца: онъ прерывается на ревизіи Казанскаго университета, произведенной извѣстнымъ Магницкимъ и остановившей развитіе этого учрежденія на нѣсколько лѣтъ. Трудъ Булича читается съ большимъ интересомъ; онъ содержитъ живое изложеніе событій, совершавшихся въ университетѣ на первыхъ порахъ его основанія; вѣрную характеристику начальствующихъ лицъ и профессоровъ; картину невѣроятнаго для нашего времени произвола начальства и существовавшихъ въ университетѣ порядковъ.

Нельзя пройти молчаніемъ и того, что Буличъ свою обширную и замѣчательную бібліотеку, которая служила ему пособіемъ при занятіяхъ и въ которой на многихъ книгахъ находятся его замѣтки, пожертвовалъ Казанскому университету, которому была отдана вся его ученая дѣятельность и котораго ректоромъ онъ былъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Въ заключеніе смѣло можно сказать, что Н. Н. Буличъ оставался всегда вѣренъ наукѣ, что онъ честно исполнялъ все, что требовалъ отъ него долгъ, и что онъ неуклонно старался проводить въ жизнь начала добра и истины.

Павелъ Ивановичъ Савваитовъ скончался въ Петербургѣ 12 іюля. Онъ родился въ Вологдѣ 15 февраля 1815 года. Отецъ его былъ священникъ. Первоначальное образованіе получилъ въ Вологодской семинаріи, откуда поступилъ въ С.-Петербургскую Духовную Академію. Въ 1837 году онъ кончилъ въ ней курсъ и вскорѣ затѣмъ былъ опредѣленъ наставникомъ философіи въ Вологодскую семинарію и возведенъ въ степень магистра. Среди учебныхъ занятій онъ находилъ время писать небольшія историко-археологическія статьи и собирать памятники старинной письменности, а также произведенія народнаго творчества Вологодскаго края, пѣсни и повѣрья, которыя онъ записывалъ съ точнымъ соблюденіемъ говора. Въ 1842 году онъ покинулъ Вологду и перешелъ въ Санктпетербургскую семинарію профес-

соромъ патристики, священнаго писанія, герменевтики и чтенія отцовъ церкви, восточныхъ и западныхъ. На этой каеедрѣ онъ оставался болѣе 25 лѣтъ. Одновременно съ занятіями въ семинаріи, онъ читалъ лекціи по русскому языку и русской словесности въ военно-учебныхъ заведеніяхъ и въ Коммерческомъ училищѣ. Многочисленныя статьи Савваитова археологическаго содержанія, правильное чтеніе актовъ, помѣщенныхъ имъ въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ, наконецъ указаніе на него, какъ на опытнаго археографа, академиковъ Куника, Погодина и другихъ имѣли послѣдствіемъ назначеніе его въ 1858 году членомъ Археографической Коммисіи, а благодаря благопріятнымъ отзывамъ объ его преподавательской дѣятельности и о разностороннихъ его знаніяхъ, ему было предложено въ 1873 году занять мѣсто правителя дѣлъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія. Эти послѣднія двѣ должности онъ сохранилъ за собою до конца своей жизни. Вотъ краткій очеркъ его скромной, не особенно выдающейся службы, продолжавшейся 58 лѣтъ. Почти столько же лѣтъ Павелъ Ивановичъ трудился и въ области науки; списокъ его сочиненій и изданій отличается разнообразіемъ и многочисленностію. Не стану перечислять всѣхъ его трудовъ, это заняло бы много мѣста, но укажу нѣкоторые, особенно выдающіеся. На основаніи актовъ и рукописей, хранящихся въ мѣстныхъ архивахъ, онъ составилъ описаніе древнихъ монастырей Вологодской епархіи и находящихся въ нихъ ризницъ, именно: Вологодскаго Спасо-Прилуцкаго, Велико-Устюжскаго, Архангельскаго и приписного къ нему Троицкаго Гledenскаго; Тотемскаго Спасо-Суморина и приписной къ нему Дѣдовской Троицкой пустыни; Семигородной Успенской пустыни и упраздненнаго Катромскаго Николаевскаго; Вологодскаго Спасо-Каменскаго Духова. Зная зырянскій языкъ, изученный имъ еще въ юности, онъ напечаталъ для народа нѣсколько книжекъ на зырянскомъ языкѣ, написалъ грамматику зырянскаго языка и составилъ Зырянско-русскій и Русско-зырянскій словарь. За два послѣдніе труда онъ получилъ Демидовскую премію. По званію

профессора въ Санктпетербургской Духовной Семинаріи онъ напечаталъ Библейскую Герменевтику, которая сначала была принята какъ пособіе, а потомъ какъ руководство по классу герменевтики въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ. Образцово издалъ три выпуска Великихъ Миней Четій за сентябрь мѣсяцъ, надъ которыми не мало потрудился, сличая съ греческими подлинниками славянскіе переводы житій святыхъ и твореній св. отцовъ для объясненія встрѣчающихся въ нихъ темныхъ и невразумительныхъ мѣстъ. Напечаталъ два первые тома и начало третьяго Новгородскихъ писцовыхъ книгъ; въ это изданіе вошли переписная оброчная книга Деревской пятины, древнѣйшая изъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ, составленная около 1495 года, и первая половина переписной оброчной книги Вотской пятины, составленной въ 1500 году. Напечаталъ обширное сообщеніе подъ заглавіемъ: Строгоновскіе вклады въ Сольвычегодскій Благовѣщенскій монастырь по надписямъ на нихъ, съ приложеніемъ описи 1579 года. Издалъ Новгородскую лѣтопись по синодальному харатейному списку, который подъ его наблюденіемъ былъ воспроизведенъ и свѣтописью.

Владѣя въ совершенствѣ греческимъ языкомъ Савваитовъ по мысли и на средства А. С. Норова напечаталъ Новый Заветъ на славянскомъ языкѣ съ греческимъ текстомъ, подобранымъ изъ греческихъ рукописей, соотвѣтствующихъ славянскому переводу.

Но особенными достоинствами отличаются слѣдующіе два его труда, которые сохранятъ его имя надолго въ нашей ученой литературѣ: «Описаніе старинныхъ царскихъ утварей, одеждъ, оружія, ратныхъ доспѣховъ и конскаго прибора, извлеченное изъ рукописей архива Московской Оружейной палаты», и «Путешествіе новгородскаго архіепископа Антонія въ Царьградъ въ концѣ XII вѣка». Описанію Павелъ Ивановичъ далъ форму объяснительнаго указателя, въ которомъ объясняемыя слова расположены въ алфавитномъ порядкѣ. Каждому названію предмета,

каждому термину Савваитовъ старался найти объясненіе въ восточныхъ, греческомъ и другихъ языкахъ, а къ описанію предметовъ привлекъ древніе и старинные тексты, которые даютъ болѣе или менѣе ясное понятіе о формѣ, значеніи и употребленіи предмета. Трудъ этотъ можно назвать драгоцѣннымъ вкладомъ въ русскую археологію, и въ новомъ изданіи, которое предпринято нынѣ Императорскимъ Русскимъ Археологическимъ Обществомъ, оно несомнѣнно будетъ настольною книгою у всѣхъ занимающихся изученіемъ отечественныхъ древностей.

Путешествіе Антонія, принадлежащее къ важнѣйшимъ памятникамъ русскаго паломничества, напечатано въ первый разъ П. И. Савваитовымъ съ дипломатическою точностью по списку XV вѣка. Онъ снабдилъ его многими историческими и археологическими примѣчаніями, свидѣтельствующими объ его обширныхъ знаніяхъ и близкомъ знакомствѣ съ литературою, изъ которой можно черпать объясненія къ тексту паломниковъ, посѣщавшихъ Царьградъ.

Въ виду ученыхъ заслугъ П. И. Савваитова Академія Наукъ избрала его въ 1872 году членомъ-корреспондентомъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. Покойный академикъ И. И. Срезневскій, представляя Отдѣленію записку о трудахъ Павла Ивановича, заключилъ ее слѣдующими словами: «Какъ ученый труженикъ Савваитовъ приготовленъ къ труду очень разнообразными знаніями и между прочимъ знаніемъ языковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и готовностью трудиться—съ увлеченіемъ, безъ усталости, денно и нощно. При работѣ имъ овладѣваетъ не желаніе скорѣе добратся до конца начатаго дѣла, а стараніе дойти до полного разрѣшенія каждаго частнаго вопроса, до объясненія каждой мелочи. Время для него при этихъ развѣдкахъ какъ будто не существуетъ: онъ не въ силахъ спѣшить и расчитывать. Не существуетъ для него при этомъ и усталость отъ хлопотъ: занятый какою-нибудь трудностью, представившеюся ему въ работѣ, онъ не полѣнится перебивать въ разныхъ библіотекахъ, архивахъ, кабинетахъ и у разныхъ лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ,

и написать нѣсколько писемъ; онъ успокоится тогда только, когда дѣло покажется ему яснымъ, разрѣшеніе трудности удовлетворительнымъ, или же невозможнымъ. Черта завидная, встрѣчающаяся не очень часто».

Это упорство въ трудѣ, эту энергію въ достиженія цѣли, эту страсть къ приобрѣтенію знаній П. И. Савваитовъ сохранилъ до послѣднихъ дней своей жизни. Богатымъ запасомъ свѣдѣній онъ пользовался не исключительно только для себя; онъ охотно дѣлился имъ съ каждымъ, кто приходилъ къ нему искать совѣта и указаній по научнымъ вопросамъ, и это знали всѣ занимающіеся и всѣ за это его уважали.

Въ настоящемъ году Отдѣленію русскаго языка и словесности предстояло присужденіе Ломоносовской преміи, на соисканіе которой поступило нѣсколько сочиненій. Комиссія, образованная изъ академиковъ А. О. Бычкова и А. А. Шахматова остановила свое вниманіе на сочиненіи Г. К. Ульянова: «Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ» и просила профессора Имп. Московскаго университета Ф. О. Фортунатова дать о немъ отзывъ.

Профессоръ Варшавскаго университета Г. К. Ульяновъ успѣлъ уже приобрѣсти себѣ почетную извѣстность первымъ трудомъ своимъ, изданнымъ въ 1888 году и озаглавленнымъ: «Основы настоящаго времени въ старо-славянскомъ и литовскомъ языкахъ». Въ этомъ сочиненіи г. Ульяновъ опредѣлялъ образованія старо-славянскихъ и литовскихъ основъ настоящаго времени въ связи съ основами неопредѣленнаго наклоненія.

Настоящее изслѣдованіе г. Ульянова, посвященное разработкѣ вопроса о значеніяхъ глагольныхъ основъ, обозначающихъ различія по залогамъ и различія по видамъ, тѣсно примыкаетъ къ предыдущему. Въ первой работѣ своей авторъ могъ найти

въ лингвистической литературѣ указанія на методы изслѣдованія, могъ встрѣтиться съ трудами, преслѣдовавшими однородныя съ нимъ задачи, могъ, наконецъ, найти подборъ необходимаго матеріала. Но настоящее сочиненіе автора, представленное имъ на соисканіе Ломоносовской преміи, посвящено совершенно еще нетронутой области — изслѣдованію о видахъ и залогахъ. По указанію почтеннаго рецензента не только значенія глагольных основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ не были до сихъ поръ предметомъ сколько-нибудь внимательнаго изученія, но и вообще область значенія основъ въ формахъ словъ остается пока не разработанною въ сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. Обиліе привлеченнаго къ изслѣдованію матеріала, отличное знакомство съ лингвистическою литературою и строгій критическій анализъ явленій дали возможность профессору Ульянову прийти въ своемъ изслѣдованіи къ цѣлому ряду выводовъ, касающихся значенія глагольных основъ не только въ литовско-славянскомъ языкѣ, но и въ индо-европейскомъ пра-языкѣ; большинство этихъ выводовъ является, по словамъ рецензента, цѣннымъ приобрѣтеніемъ для науки. Хотя изслѣдованіе г. Ульянова и вызвало не мало замѣчаній и возраженій со стороны профессора Фортунатова, изложенныхъ въ его рецензій, но онъ самъ объясняетъ ихъ тѣмъ, что при разработкѣ нелегкой задачи, избранной г. Ульяновымъ, избѣжать неточностей, недомолвокъ и даже ошибокъ едва ли было возможно въ настоящее время. По выслушаніи рецензій и мнѣнія Комиссіи Второе Отдѣленіе единогласно признало трудъ проф. Ульянова, какъ имѣющій важное научное значеніе, заслуживающимъ награжденія Ломоносовскою премією.

